

Разряды собственно фразеологизмов

Глагольные	Адвербиальные	Субстантивные
КСФ ₄ —К1, К2, К3, К4 (70%)	—	—
КСФ ₅ —К1, К2, К3, К4, К10 (77%)	—	—
КСФ ₆ —К1, К2, К3, К4, К7, К10 (82%)	—	—
КСФ ₇ —	—	—
КСФ ₈ —	К1, К2, К4, К5, К7, К8, К9, К10 (81%)	К1, К2, К3, К4, К7, К8, К9, К10 (56%)
КСФ ₉ —	К1, К2, К3, К4, К5, К7, К8, К9, К10 (99,7%)	К1, К2, К3, К4, К5, К7, К8, К9, К10 (95%)

однотипностью. В табл. 2 показаны частотные сочетания критериев фразеологичности в этих трех разрядах.

Частотные и качественно однородные коэффициенты степени фразеологичности позволяют с достаточной достоверностью предположить, что фразеологизм с таким коэффициентом принадлежит к одному из разрядов собственно ФЕ: глагольному, адвербиальному, субстантивному. Исключение составляет КСФ₉, который у большинства фразеологизмов не содержит, как правило, критерия «наличие архаизма».

Характеристика воспроизводимых единиц с помощью набора критериев, предложенных в статье, способствует более глубокому изучению ФЕ, позволяет провести их корректную дифференциацию, что необходимо при составлении фразеологических словарей. Коэффициент степени фразеологичности может быть использован при создании формализованного языка для машинной обработки фразеологических единиц и положен в основу создания функционально-параметрической модели фразеологии русского языка.

¹ См.: Общее языкознание / Под ред. Супруна А. Е. Минск, 1983. С. 226 и далее.

² См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А. И. М., 1986.

³ См.: Носенко И. А. Начала статистики для лингвистов. М., 1981. С. 61—62.

⁴ Там же. С. 16.

В. Л. СТАНКЕВИЧ

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЛЕКSIКЕ МЕТОДОМ МЕЖЧАСТЕРЕЧНОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Признание системной организации лексики, требование системного подхода к ее изучению стало почти аксиомой. Как показывает опыт многочисленных исследований в этой области, наиболее полно данный подход отражен в методе расчленения словарного континуума на семантические поля.

Межчастеречное семантическое поле, как один из типов выделяемых в языке лексических микросистем, включает в себя семантически соотносительные слова различных частей речи. В науке о языке факт обозначения одного и того же понятия словами с разной частеречной отнесенностью был подмечен давно и охарактеризован как явление транспозиции или межкатегориального перехода понятия.

Тесная связь между транспозицией и расширенными семантическими

полями обнаруживается прежде всего в том, что прямым следствием межкатегориальных сдвигов выступает наличие словообразовательно связанных рядов¹, объединенных общностью выражения одного и того же понятия, а это, как известно, служит основным критерием интеграции слов в лексико-семантические поля. Можно предположить, что межкатегориальный переход понятия является необходимым звеном в процессе формирования семантических полей данного типа.

При структурировании межчастеречных семантических полей необходимо учитывать тот факт, что не всякое понятие способно получить различную категориальную репрезентацию, а лишь понятие о признаке. Как известно, первичное членение сущностей отражаемого сознанием мира разграничивает вещи, свойства и отношения, где последние выступают как признаки вещей². Различение вещи и признака лежит в основе и структуры мысли, и структуры языка, находя отражение в разделении лексики на вещные (субстанциальные, субстантивные) и признаковые (призначные, предикатные) слова. Однако в силу относительности категорий вещей и признака, заключающейся в их способности к взаимопереходу, противопоставление субстантивных и предикатных слов не является абсолютным, ибо некоторые из них способны как к предметной, так и признаковой номинации. Учитывая это обстоятельство, можно выделить следующие три ономазиологических типа слов: 1) называющие только вещи — имена собственные; 2) называющие только признаки — прилагательные, глаголы и др.; 3) называющие то вещь, то признак — нарицательные существительные³. Как следует из принятой нами концепции, лишь вещные имена характеризуются устойчивой изосемией между категориальным значением части речи и категориальным значением называемого денотата. Во всех остальных случаях отнесение слов к той или иной части речи может происходить только по их структурно-морфологическим и функциональным признакам, что дает основание считать частеречное значение применительно к словам признаковой семантики не более как способ, форму представления реалей: существительное представляет признак как субстанцию, глагол интерпретирует различные признаки как процесс, прилагательное выражает статический признак предмета, наречия — непроецессуальные признаки других признаков⁴.

Однако не все из названных частей речи являются в равной степени изосемичными для представления понятия о признаке в языке. Ядро этой категории составляют глаголы и прилагательные, способные исключительно к безденотатному употреблению, в котором они только описывают предмет, репрезентируемый другим именем. Ближе всего к ним стоят наречные слова, также выполняющие чисто описательную функцию, но, в отличие от первых, неспособные, как правило, непосредственно сочетаться с субстантивами. Поэтому наречия в силу своей семантики выступают, по существу, признаками второго порядка.

В числе признаковых слов и существительные, в частности имена нарицательные, которые выполняют как репрезентирующую, так и описательную функцию. Их двойственный характер основывается на том, что, с одной стороны, функция репрезентации денотата у нарицательных имен всегда совмещена с его характеристикой, и в этом случае данные имена — субстантивы (вещи); с другой, нарицательные существительные могут употребляться только для описания денотата, репрезентированного другим именем, и тогда они — предикаты (признаки). Однако если признаковость понимать не как функциональную, а исключительно только как субстанциональную сущность слов, то к признаковым словам с полной уверенностью можно отнести лишь абстрактные существительные со значением признака, даже если они употреблены в репрезентирующей функции. Основанием для такого понимания абстрактных признаковых существительных служит особый характер их денотата: они выступают как включенные предикаты, их денотатом является ситуация, вставленная в другое событие⁵. Следовательно, представляя собой сме-

шанный субстантивно-предикатный тип слов, лежащий на границе категорий вещи и признака, нарицательные имена являются периферией рассматриваемой понятийной области.

В то же время, хотя глагол и прилагательное выступают изосемичными для понятия о признаке частями речи, абсолютного семантического тождества между ними нет. Как отмечает У. Чейф, основное различие между глаголами и прилагательными связано с распределением новой и старой информации⁶. Так, глаголы интерпретируют признак как актуальный, непостоянный, приписанный предмету в определенный отрезок времени, и поэтому ориентируют понятие о признаке исключительно на предикативное функционирование. Прилагательные же представляют вневременной деактуализированный признак и выражают прежде всего атрибутивные отношения. В связи с тем, что атрибутивные отношения, как известно, выступают производными от предикативных, а деактуализированный признак предполагает актуализированный, исходной частью речи в функционально-семантическом плане следует признать глагол, а не прилагательное. Отсюда можно предположить, что только глагол способен выступить ядром расширенного семантического поля и центрировать остальные признаковые слова. Это подтверждается и тем, что отглагольная транспозиция, где глагол является исходной, начальной категорией в направлении движения понятия при его переходе из одной части речи в другую, занимает ключевое место в системе языка.

В то же время глаголы имеют тенденцию объединять вокруг себя не только близкие по значению признаковые слова, но и некоторые имена существительные конкретно-предметной семантики. По мнению Д. Н. Шмелева, существенную роль в межчастеречной глагольно-именной группировке слов играет функциональный семантический элемент, входящий в содержание многих конкретных существительных и отражающий функциональную ориентированность обозначаемых предметов (например: *ручка — писать, книга — читать*). Благодаря наличию функционально-семантического элемента в их значениях такие существительные несут в себе «недвузначную соотношенность с определенным действием»⁷, а соответственно и с глаголом. В свою очередь, глагол, являясь глобальным обозначением ситуации, представляет собой, по мнению ряда ученых⁸, как бы свернутое предложение, и поэтому, в силу своей семантики, уже онтологически предполагает остальных участников ситуации, события. Отсюда, все конкретные существительные можно разделить на два функционально-семантических класса: 1) существительные, дающие наименования предметам, лицам, которые осмысливаются безотносительно к ситуациям, как самостоятельные качественно определенные субстанции: *человек, лес, город* и под.; 2) существительные, называющие предметы и лица и квалифицирующие их в качестве участников тех или иных ситуаций: субъекта — *учитель, объекта — ученик, локатива — училище; инструмента — ручка* и т. д. Характеризуясь по своей функции как актантные, данные существительные соотносятся с семантическими валентностями глаголов и могут быть интерпретированы в качестве их лексических коррелятов⁹.

Однако если взглянуть на актантные существительные сквозь призму межчастеречных полей, то наибольшее функционально-семантическое тяготение к тем или иным глагольным классам обнаруживают лишь производные существительные, мотивированные словами признаковой семантики. Связанные с признаковыми словами деривационными отношениями транспозиции, осложненной последующим семантическим сдвигом, мутацией, данные существительные также группируются вокруг глагольного ядра и, таким образом, расширяют предикатное межчастеречное семантическое поле до смешанного, актантно-предикатного, где его составные части могут вступать между собой как в парадигматические, так и в синтагматические отношения (ср.: Он учитель // Он учителствует и Учитель учит детей).

Таким образом, межчастеречное семантическое поле расширенного

типа представляет собой лексическую совокупность, основанную на парадигматических, синтагматических и деривационных отношениях ее компонентов и охватывающую не только концептуально сходные слова признаковой семантики (независимо от наличия/отсутствия между ними деривационных связей), но и актантные существительные, являющиеся результатами лексикализации валентностей предикатных конститuentов поля. Ядром межчастеречного семантического поля, как правило, выступает понятие, репрезентированное глаголом.

Выделение расширенных семантических полей является важным этапом в процессе исследования языка. На материале таких полей возможны систематизация и решение многих теоретических и прикладных задач, в частности вопросов сопоставительного изучения лексико-семантических систем разных языков. Расширенное семантическое поле, как и лексико-семантическая система языка, представляет собой сложное системное образование, характеризующееся единством парадигматических, синтагматических и деривационных связей конституирующих его элементов, что позволяет рассматривать этот тип семантического поля в качестве одной из возможных моделей ЛСС. Выгодно отличаясь от лексико-семантической системы своей компактностью, при ряде сходств в структурной организации элементов расширенные семантические поля являются, на наш взгляд, достаточно удобными объектами для сопоставительного изучения лексики. Сравнительное рассмотрение данных совокупностей слов дает возможность выявить как наиболее общие системные свойства лексики сопоставляемых языков, так и специфические черты каждой из них.

¹ Наряду с синтаксическими дериватами транспозицию понятия могут осуществлять и так называемые словообразовательные супплетивы, например: *происходить* → *происшествие*, *событие*. См.: о словообразовательном супплетивизме в работе: Мельчук И. А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. 1971. М., 1972; ср. также: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

² См.: Уемов А. И. Вещи, свойства, отношения. М., 1963. С. 72.

³ См.: Ревзин И. И. Структура языка как моделирующей системы. М., 1978. С. 182; Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988. С. 77.

⁴ К признаковым словам относят также числительные и категорию состояния, однако, учитывая разделение знаменательных слов на основные и неосновные, можно в рамках данной теории не выделять эти части речи обособленно.

⁵ См.: Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л., 1977. С. 77.

⁶ См.: Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. С. 114, 328 и далее.

⁷ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. С. 235.

⁸ См.: Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 340; Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 416.

⁹ См.: Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. С. 131.

О. А. ФЕЛЬКИНА

ОБ ЭВОЛЮЦИИ СЕМАНТИКИ КОРНЯ *добр-*

Корень *добр-* во всех славянских языках имеет значение общей положительной оценки. Но в современном русском языке это значение для прилагательного *добрый*, например, является второстепенным. Основное его значение — «расположенный к людям, отзывчивый». Очевидно, что второе развилось из первого как более конкретное, а затем выдвинулось на первый план. Когда и почему это произошло? Обратимся к этимологии корня *добр-*, чтобы иметь представление о его семантике в дописьменную эпоху.

Корень *добр-* родствен корням *добл-* и *дебел-*, все они являются производными от *доб-*. *Доб-* имеет в славянских (а также балтийских) языках значение «соответствующий, подобающий», которое проявляется, например, в русских словах *подобать*, *надобно*, *подобный* (т. е. «совпадающий в какой-то части либо степени»), *удобный* («хорошо приспособ-